

III.

ПРАВООПИСАТЕЛЬ.

МАРКЕЗЫ И БИЛЛИАРДНЫЕ ИГРОКИ.

Изъ всѣхъ изобрѣтеній ума человѣческаго, выдуманныхъ людьми для нашей праздности, легчайшаго свѣтскаго обобщенія и возбужденія житейской алчности, заставляющей насъ иногда смотрѣть на чужую собственность, какъ смотритъ съ высоты коршунъ на лежащее подъ нимъ гдѣ нибудь на землѣ мясо, — изъ всѣхъ игоръ, начиная съ игры карточной, требующей столькихъ соображеній, сосредоточенности, памяти, счастья, а болѣе всего, усовершенствованной долгимъ прилежаніемъ природной глубокости ручныхъ мышцъ, до самой невинной изъ игоръ, игры въ плевки, не таящей въ себѣ никакого *фортеля*, кромѣ развѣ взятія, для усиленія полета плевка, въ ротъ дробнюкъ, — пѣтъ

игры замѣчательнѣе и полезнѣе бильярдной. Помогая изученію всѣхъ геометрическихъ линій и законовъ механическаго столкновенія, укрѣпляя силы и желудокъ, она кромѣ того обладаетъ еще всѣми свойствами русскаго хлѣбнаго вина, которое чѣмъ больше пьешь, тѣмъ болѣе въ него втягиваешься, такъ что начинаешь наконецъ пить рѣдко излечиваемымъ запоемъ. Славная игра!

Отъ образованныхъ, употребляющихъ чаи, мужичковъ и посвященныхъ портныхъ, саножниковъ и фабричныхъ, до людей съ вѣсомъ и положеніемъ въ обществѣ, — отъ не менѣе образованнаго юношества, играющаго для большаго распространенія круга своихъ познаній, до трудно переваривающей пищу старости, вооружающейся кіемъ для конечнаго истребленія на тарелкахъ своихъ лакомыхъ кушаній, — кто не знаетъ бильярда, и кому, хотя разъ въ своей жизни, не удавалось вращаться кругомъ его небольшой, четырехугольной площади? — Съ покосившагося пола гдѣ нибудь на большой дорогѣ торчащаго трактира до паркетныхъ залъ, украшенныхъ золотомъ и мраморомъ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ объявлено строгое изгнаніе столамъ карточнымъ, — вездѣ можно найти бильярдъ, имѣть случай испробовать на немъ силы свои, покрыться всему здоровымъ потомъ и выказать или свою тѣлесную ловкость и стройность движеній, или уже обнаружить вполне гнущую лишь все въ дугу сѣверную натуру, напоминающую ручнаго медвѣдя, снабженнаго жожакомъ своимъ, для произведенія разныхъ эволюцій, палкою.

Прекрасная и прездоровая игра эта, игра бильярдная! Нѣтъ въ ней ни досаднаго и невыгоднаго иногда мѣстничества, Богъ знаетъ почему допущеннаго въ игрѣ, вопреки условленнаго во всѣхъ бояхъ рыцарскаго правила: пользоваться равно и свѣтомъ, и тѣнью. Нѣтъ въ ней ни заслуженныхъ иногда выговоровъ, ни убыточнаго партнерства прекраснаго пола, ни спинной и головной боли. Нѣтъ въ ней ни предразсудковъ и суетврной трусости вѣрнаго проигрыша, происходящаго отъ поворота спиною къ лунѣ, — какъ-будто луна, оскорбленная такою къ себѣ невѣжливостію, хотя и выказывающая разныя неблаготворныя вліянія, можетъ за это, какъ искусный фокусникъ, перемѣнить направленіе предназначенной вамъ судьбою масти. Нѣтъ въ ней ни умѣстной разсѣянности, порождающей реноссы, за которые существуетъ варварскій обычай «выскивая все только что не бить.» Нѣтъ въ ней ни тѣхъ, непредвидимыхъ и непроникаемыхъ никакою смышленостію неожиданностей, по которымъ какой нибудь важный тузъ

побивается вдруг простою шестеркою, или какая пубудь нужная для вась дама, будучи печально убита козырнымъ валежомъ, заставляетъ человѣка попасть въ бѣты и имѣть предъ глазами своими множество незаконныхъ карточныхъ чадъ.

Нѣтъ ничего этого въ биллиардной игрѣ, кромѣ развѣ одного досаднаго кикса, и то пронеходящаго единственно отъ лѣности человѣка послуניתъ иногда языкомъ кончикъ кія да намазать сго потомъ мѣломъ. Ничего даже особеннаго не требуетъ биллиардная игра, кромѣ однихъ твердо поддерживающихъ туловище ногъ да силы, чтобы сдвинуть съ мѣста маленький шарикъ. Нѣтъ въ ней никакихъ особенныхъ неприятностей и даже того, воспрещеннаго законами, лхвеннаго взиманія процентовъ, по которому многіе гостепріимные хозяева взыскиваютъ съ гостей, за средства къ проигрышу въ ихъ домѣ, архиепископскій ростъ. Нѣтъ ничего подобнаго въ биллиардной игрѣ: все въ ней на чистоту, на общій видъ, на обоюдное созерцаніе; а между тѣмъ, въ то время, какъ о другихъ играхъ составляются и пишутся разные глубокомысленные трактаты и книги, выдерживающіе десять изданій, между тѣмъ, какъ вѣны, напимѣръ преферансъ, вошли нынѣ, кажется, даже въ область специальныхъ наукъ, необходимыхъ для совершенно оконченнаго воспитанія юношества, одна биллиардная игра остается позабытою, и ея разнообразные случаи и явленія передаются только изустно одними ея поклонниками, какъ будто какія пубудь незаслуживающія письменности бездѣлицы.

Выставлялись на позоръ и въ назиданіе человечеству послѣдствія всевозможныхъ страстей, переодѣвающихъ иногда очень скоро изъ какой пубудь собольей шубы въ продуваемую всюду вѣтромъ фризку; рекомендовались публкъ пзвощники, салопницы, свахи, водовозы, бородачи и колбасники, выводились на смотръ деньщики и будочники, представлялись сѣ даже дворники — классъ людей, по своей чисто барсучьей натурѣ менѣе всего замѣчательный, какъ все подметаемые имъ Петербургскіе тротуары, сходный между собою, лѣнливый, необразованный, незнающій кромѣ слова *шпансъ*, равно повторяемаго имъ и Нѣмцамъ, и Татарамъ, никакого иностраннаго звука, — и эти люди имѣли удовольствіе слышать, что ихъ заспанная фзіономія, благодаря искусному перу и художественному карандашу, сдѣлались извѣстными и въ роскошныхъ будуарахъ красавицъ и въ квартирахъ чиновниковъ, которыхъ они имѣютъ неделкатность настойчиво посѣщать и тревожить каждое первое число, и на всевозможныхъ ярмаркахъ Россіи, вмѣстѣ съ Наполеономъ и Чичиковымъ, съ Героемъ наше-

го времени, съ Иваномъ Ивановичемъ Выжигинымъ, и многими другими замѣчательными героями. Всѣ эти касты, не испытывающія ни какихъ сильныхъ ощущеній, кромѣ развѣ ощущенія производимаго розгами, получаемыми за пьянство, нерадѣніе или грубость, были умыты, одѣты, украшены и вытолкнуты на поклонъ и осмотръ благосклонному читателю, не пмѣющему хлопотливой и заставляющей иногда затыкать себѣ носъ, глаза и уши, склонности наблюдать за всѣмъ самому. Одни только маркеры, эти ассистенты и представители единственной игры, исключившей изъ правилъ своихъ невѣжественный, негостепріимный и часто неудобноисполнимый законъ: «гдѣ двое играютъ третьяго сажать подъ столъ», остаются и до сихъ поръ еще незнаемыми, неописанными, вмѣстѣ съ какими нибудь незаслуживающими вниманія судомойками, вѣтошниками, трубочистами и тѣми таинственными труженниками, которымъ дозволено производить ремесло только въ пустынный часъ полуночи, и то со всевозможною аккуратностію. Одни только эти, лишь на вывѣскахъ незабытые, щеголи скрываются еще во мракѣ неизвѣстности и таятся подъ кровлями разныхъ публичныхъ заведеній съ ихъ отличительными качествами и ихъ вѣчно однимъ и тѣмъ же вседневно повторяемымъ крикомъ, крикомъ иногда радостнымъ, иногда болѣзненнымъ и, смотря потому, какое участіе принимается ими въ дѣйствателяхъ, напоминающимъ то хохотливый крикъ ученаго попугая, на котораго дуютъ противъ перьевъ, то грустный пискъ аиста, упустившаго изъ клюва пойманную имъ рыбку.

Удивительно, какъ такіе замѣчательные люди, сами, по своему ежеминутному столкновенію съ разными лицами и характерами, могущіе быть хорошими физиологистами, сами, какъ невидимая пружинка, перемѣняющая положеніе циферблатной стрѣлки, дѣйствующіе на судьбу наполняющаго трактиры общества, до сихъ поръ не позеленѣли еще отъ негодования, какъ заботливо счищаемое ими сукно, видя къ себѣ такую забывчивость и невнимательность?... Или, обладая положительнымъ и необидчивымъ взглядомъ на справедливость людскую и утѣшая себя тою неиреальною истиною, что обыкновенно все особенно-замѣчательное и достойное всегда бросается людямъ въ глаза послѣ всего пошлаго и обыкновеннаго, по той естественной причинѣ, что послѣднее окружаетъ насъ всюду и ежеминутно подвергается, невольно, подѣ взоръ, они спокойно ждутъ своей очереди, покракывая со стовческою важностію: седьмой нумеръ умеръ, пятому краснымъ по бѣлому, сорокъ девять и шесть, ничего и очень мало, пять и три; при чемъ

иные изъ нихъ, будучи отъ природы склонны къ каламбурамъ, произносятъ это какъ-то особенно, что и возбуждаетъ всегда на лицахъ играющихъ довольную улыбку, а въ губахъ ихъ лестный для самолюбія каламбуриста возгласъ: *Пустиль, пустиль-таки трель!... Даль-таки знать, что ютъ что соль!...*

Здравствуй же, каста такъ несправедливо позабытая! позволю оторвать тебя отъ твоихъ полезныхъ занятій, вызвать на минуту изъ столичныхъ городовъ твоихъ: *Вѣнь, Лондоновъ, Парижей и Саратовыхъ, крѣпостей твоихъ: Шумль, Дербентовъ и Очаковыхъ, областей твоихъ: Помераній, Бессарабій и другихъ, и представить тебя, хотя и поздно, желающимъ съ тобою поближе познакомиться, въ чемъ бы ты ни попала въ настоящій часъ: въ длиннополомъ ли, только что съ пголочки снятомъ сюртукѣ, съ двумя часами въ жилетныхъ карманахъ, въ батистовомъ платкѣ и голандской сорочкѣ, или просто въ истертой поддевкѣ, которой таія вѣзла тебѣ на плечи или спустилась до самыхъ пятъ, смотря потому, съ какого роста и съ какой комплекціи попала она на твое хамелеонское тѣло. Нужды нѣтъ въ чемъ ты бы ни показалась первый разъ читателямъ; тебя могутъ не узнать черезъ день: ты какъ змѣя нѣсколько разъ мѣняешь шкуру свою и поднимаешься и спускаешься, какъ барометрическая ртуть, смотря потому, сколько удалось тебѣ сдѣлать удачныхъ ударовъ и *перерзать шаровъ*, только бы не было это, по остроумному замѣчанію твоему, *попрамъ*.*

Позвольте равно и вы, читатели, представить вамъ маркеровъ, не тѣхъ которые служатъ въ клубахъ и модныхъ ресторанахъ, ходятъ въ красныхъ и другихъ яркихъ жилетахъ, одѣваются въ полуфраки и курточки, опоясываются зелеными передниками, глубокомысленно толкуютъ съ посѣтителеми, между игрою, о испанскихъ дѣлахъ и пользѣ вдыханія эфира, и очень удовлетворительно произносятъ на разныхъ иностранныхъ нарѣчіяхъ: *грантаси, триади, цванцигъ ундъ эйнъ, ту андъ сирти, шу бу шу*, кончая этотъ счетъ финальнымъ, громкимъ словомъ: *ла партія!* Это маркеры не настоящіе и столько же похожіе на рекомендуемыхъ здѣсь маркеровъ, сколько похожи нынѣшніе казанскіе татары на своихъ предковъ, владѣвшихъ Русью.—Нѣтъ, позвольте вамъ представить маркеровъ истыхъ, маркеровъ ярославской породы, проникнутыхъ къ ремеслу своему фапататическимъ энтузіазмомъ *факировъ*. Позвольте рекомендовать вамъ людей, освѣщаемыхъ не воскомъ и газомъ, а воюющими лампами, и не имѣющихъ, какъ первые господа, ни особыхъ комнатъ, ни мягкихъ постелей, а преспокойно почивающихъ себѣ, под-

ложивъ подъ голову свою верхнее платье, настоящими воинами, на самомъ мѣстѣ своихъ побѣдъ или поражений, на своемъ родственномъ бильярдѣ. Этотъ бильярдъ внушаетъ имъ къ себѣ такую сильную привязанность, что они ни за что не дадутъ плохимъ или незнакомымъ имъ игрокамъ ни хорошихъ шаровъ, ни тщательно припрятанныхъ, прямыхъ, заостренныхъ киевъ, повторяя для поддержанія въ себѣ этой любви и обязанности ежедневно слѣдующее, поразительное по своей чистотѣ и моральной строгости правоученіе: «Раньше проснись, Богу помолись, родителей вспомни, борта оттяни, мѣлкомъ домъ отъѣть, потомъ ставь на птицъ сѣть.»

Маркёры—классъ чисто артистическій, и потому, начиная съ юныхъ, только что вступившихъ на трактирное поприще казачковъ, не смѣющихъ еще, по недостаточной опытности, соваться въ игру и только старающихся, для заслуженія къ себѣ публичнаго довѣрія, свести игроковъ между собою, до настоящихъ маркёровъ, слѣвшихъ уже на бильярдѣ зубы и перебивавшихъ и въ мытьѣ, и въ катаньи, и въ разной одеждѣ, существуетъ такая же восходящая градація, какая существуетъ между простымъ маляромъ, малюющимъ цырюльня и другія выѣски, живописцемъ, рисующимъ довольно удачно, всегда у всѣхъ цвѣтущія здоровымъ румянцемъ физиономіи и вѣчно улыбающіяся (такъ что завидно) лица, и великимъ художникомъ, переносящимъ на полотно свое живую душу, мысль и чувство человека. По этой же посылкѣ, и въ самомъ искусствѣ каждаго изъ нихъ есть столько же разницы, сколько есть разницы между пилканьемъ простаго гудочника, терзающаго иногда вашъ слухъ гармоническими духами Моцарта и Гайдена, и игрою вдохновеннаго музыканта, превращающаго подъ руками своими самый обыкновенный и простой мотивъ въ какое то неземное цѣніе. Какъ между всѣми артистами и художниками, проникнутыми чистою любовію къ своему искусству и потому чувствующими къ однороднымъ имъ художникамъ какое то родственное стремленіе,—между всѣми маркёрами также существуетъ тѣсная связь, заставляющая ихъ сближаться и пополнять себя замѣтованными другъ отъ друга совершенствами, безъ всякой зависти и желанія выставить впередъ одни собственные свои достоинства въ ущербъ своему собрату. Эта современная слабость, обуявшая нынѣ всѣ художественные классы, чужда маркёрамъ, и потому взаимное согласіе это и дѣлаетъ ихъ похожими на какое-то единое, живое тѣло, чувствующее малѣйшую перемѣну, происходящую въ какомъ-либо изъ его членовъ, которые, укрѣпясь въ искусствѣ своемъ,

не именуется уже прежнимъ прозвищемъ, а получаютъ прозвища, по своимъ достоинствамъ, какъ это водится у дикихъ американскихъ племенъ. Маркеры рѣдко именуется другъ друга простопароднымъ названіемъ Кондратьева, Иванова и прочими отческими именами; они бываютъ или Дутки или Петры-Шшиморы или Ваньки-Передряги и тому подобныя; не иначе.

Не обладая безсовѣстностію извозчиковъ, имѣющихъ дурной обычай, позоря приткостъ паппаемой клячи и выставяя рысь своей разбитой на всѣ четыре погп лошади, отбивать сѣдока у подобнаго же себѣ Ваньки, и чуждаясь не товарщескаго обычая гостинныхъ торговцевъ, старающихся наперерывъ увѣрить покупателя въ лучшей добротѣ продаваемыхъ товаровъ, — маркеры, по врожденному ли благородству, можетъ быть свойственному ярославской породѣ, или по необходимому въ ремеслѣ ихъ такту, никогда никому не открываютъ игры своихъ соремесленниковъ. Какъ ни спрашивай любопытный игрокъ какого нибудь Тимошку о томъ, какъ дѣлаетъ дублеты и сколько можетъ дать впередъ какой нибудь Архелай, вопрошитель услышитъ одинъ всѣми и всегда повторяемый отвѣтъ: «Умомъ не разведешь: никогда вмѣстѣ перекатываться не удавалось». Кроме того, многіе изъ ихъ употребляютъ еще и ту уловку, что, предполагая отъ этого вопроса предстоящую можетъ быть соремесленнику Архелаю какую нибудь выгоду, стараются еще увѣрить самолюбіе испытующаго, что по его игрѣ врядъ ли и самый Конфуцій ихъ, Тюря, можетъ дать ему достаточныя «льготы».

— Въдь ударъ-то у васъ такой судорга, добавляють они для полѣтйшаго увѣренія, что у человѣка отъ него могутъ иногда и очн подь лобъ спрятаться!...

И вѣрить иногда тому слѣпое самолюбіе, несмотря на то, что этому же самому слѣпому самолюбію не разъ встрѣчался, можетъ быть, спрашиваемый имъ по чести и совѣсти маркеръ ѣдущимъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ Археласемъ, обхватившимъ руками, на лпхой пролеткѣ куда нибудь изъ Франціи въ Алжирь, для совокупнаго стяжанія добычъ, подь инкогнито простыхъ заѣзжихъ путешественниковъ и для требованія себѣ тамъ, по своей природной целовкости, съ каждаго очковъ двадцати «уваженія».

Для этихъ облачныхъ таинственностію, корыстныхъ набѣговъ, между всѣми маркерами, чуть ли не прежде самого Фурье и Сень-Симона, прославившихся перевозосимую съ такимъ восторгомъ системою общаго пользоваія, существуетъ

обычай сужать друг друга для такихъ путешествій разными недостающими иногда у другихъ костюмами, превращающими Тимошекъ и Пахомокъ то въ купцовъ Тимофѣевъ Кондратьевыхъ и Пахомовъ Сысоевыхъ, то въ засаленныхъ ремесленниковъ, смотря потому, въ какую и какимъ кругомъ общества посѣщаемую билліардную собираются они направить опытныхъ руки свои.

Маркёры никогда и ни въ чемъ не отказываютъ пужающимся собратьямъ. Они даютъ другъ другу, по мѣрѣ силъ и возможности, *войска* и *шрусекъ* т. е. денегъ, чтобы поправиться гдѣ пбудь въ Китаѣ или Лондонѣ, и, смотря потому какія бываютъ у нихъ въ запасъ модныя украшенія, со всею радушіемъ и чистымъ желаніемъ одолѣть супротивныхъ, навѣшиваютъ на своихъ пріятелей и серьги, и лорнеты, и булавки, чтобы еще болѣе дать имъ способовъ показать свое цвѣтущее положеніе и не ударить лицомъ въ грязь предъ благороднымъ дворянствомъ и почетнымъ купечествомъ, присутствующемъ въ трактирахъ. Снабженные такимъ пріятельскимъ пособіемъ, маркёры идутъ на сторону добывать себѣ копѣйку, пользуясь между посѣтителями неизвѣстностію своего званія. Иначе, одно названіе «маркёръ» возбуждаетъ къ себѣ, даже между самыми опытными игроками, какую-то боязнь и заставляетъ ихъ требовать себѣ отъ маркёровъ немомѣрныхъ льготъ. Привилегіи эти очень странны; потому-то маркёры и играютъ съ необлаченными официальнойю обязанностію служить билліарду всегда какъ-то особенно: или ковчая и начпная игру дублетами, шаромъ, плущимъ въ лузу не прямо, а по отраженію, или пропуская кій подъ ногу или подъ руку, и наконецъ по заказному или ученому, то есть играя болѣею частію, по произволу противника, такого шара, который почти рѣшительно невозможенъ. Въ этой игрѣ обнаруживается вся опытность и искусство маркёровъ: летятъ *куразеи* (*croisées*) абрикюли, триплеты, предугадываются *кондреку* (*contre-coups*) и запускаются *вьюны* или круговыя клапштосы, въ-слѣдствіе которыхъ шаръ—Богъ знаетъ какъ уже они это дѣлаютъ—по едва постижимымъ законамъ механическаго движенія, катится не прямо, а описываетъ *полукруглую линію*. Наконецъ, къ довершенію всего этого, многихъ изъ опаснѣйшихъ маркёровъ, выигрывающихъ и по ученому, и подъ ножку, и тычкомъ, и зажмура глаза, противники заставляютъ играть зубами.

Въ этой послѣдней игрѣ, лишеной всякой опредѣленной точности, сметки и предвидѣнія и походящей по своимъ условіямъ болѣе на слѣпой шансъ азардной игры или на уловки

неразгадываемаго фокусь-покуса, маркёры дѣйствуютъ уже на отчаянную, выходятъ иногда противъ своей природы изъ себя, и поступая уже какъ ошеломленные опіумомъ Турки, часто вышибеннымъ съ силою за бортъ шаромъ бьютъ стоящіе вблизи на столикахъ чашки и графинчики. Такая неприличная маркёрамъ неловкость возбуждастъ въ противникахъ ихъ, общую всѣмъ людямъ при видѣ ошибокъ и неудачъ ближняго, радость и заставляетъ ихъ говорить маркёрамъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ:

— Какой бросковій ударъ! да никакъ ты, братецъ, въ бутаражку забавляешься... Нпкакъ ты, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, буйная головушка, замышляешь!

— Что жъ, обзарился, обмшшулился, отвѣчаютъ обыкновенно маркёры, не желая, по своему артистическому самолюбію, приписать такую неудачу ни чему иному, кромѣ своей оплошности. Только отъ этого и упрекъ на себя положилъ, что на сторону отплюнуться захотѣлось, добавляютъ они...

Предоставляя нехотя такія льготы въ ущербъ своему рту и зубамъ, или рискуя каждую мнуну свихнуть себѣ шсю, упавъ на полъ отъ принятаго положенія соннаго гуся, въ мудреной игрѣ подъ ножку, маркёры выручаютъ свои неудачи только гдѣ нибудь на-сторонѣ надъ тѣми, которые, по выраженію ихъ, сильно *накашифолены* или не посвящены еще вполне во всѣ биллиардныя тайны. Маркёры иногда и проигрываются. Но это имъ ни почемъ! Они никогда не остаются совершенно безъ средствъ къ принятію предлагаемыхъ имъ вызововъ: по какому-то особенному къ нимъ довѣрію трактирныхъ хозяевъ, маркёры имѣютъ право пользоваться пособіемъ изъ ежедневной выручки, не только для себя, но и для тѣхъ изъ посѣтителей, къ которымъ они питаютъ, по ихъ опытности и по пройденію уже ими въ биллиардной наукѣ сквозь «огонь, воду и мѣдныя трубы», дружескую довѣренность. Эта довѣренность обнаруживается или слишкомъ короткимъ другъ друга тыканьемъ, или деликатнымъ именованіемъ по имени и отчеству, съ прибавленіемъ иногда и пѣжности *моншеръ*, смотря по тому, въ состояніи или нѣтъ, удостоенный такую къ себѣ неограниченную довѣренностію пріятель маркёра понять по своему образованію всю великость значенія этой клички.

Полные одиѣми заботами, пропикнутые одними правилами, маркёры составляютъ между собою какъ будто какою-то іезуитское общество, котораго члены, дѣйствуя изо всѣхъ силъ отдѣльно, трудятся между тѣмъ только во славу, процвѣтаніе и пользы цѣлаго. Поэтому между всѣми маркёрами существуютъ

такія безпрестанныя сношенія и быстрота сообщеній, не уступающихъ телеграфическимъ, что каждый изъ нихъ можетъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ удачахъ, неудачахъ и дѣйствіяхъ другихъ представителей билліарднаго художества, какъ бы далеко ни лежалъ предѣлъ, гдѣ совершилось какое нибудь игорное событіе. Все бываетъ сообщасмо очень подробно до послѣдней малости, кромѣ получаемыхъ иногда маркерами треховъ за слишкомъ неравную и явно обличенную сводку, что, какъ вещь самая обыкновенная, и по выраженію ихъ *плеваля*, остается безъ всякихъ официальныхъ реляцій.

Въ тотъ или на другой же день, прежде чѣмъ алчущіе битвы мужи успѣютъ ворваться въ ворота какой нибудь Варны, или вступитъ, съ подставленными подъ глаза фонарями, побѣдоносно въ Парижъ, маркеры этихъ мѣстъ уже извѣстны о побѣдахъ и пораженіяхъ своихъ собратій, случись онѣ хотя на мысъ Доброй Надежды. Телеграфическая быстрота сообщеній уже позволила имъ узнать, въ какую игру, съ кѣмъ и при чьемъ присутствіи игралъ кто нибудь изъ ихъ общества, какія давалъ *привиллеги* или игралъ *на всѣхъ правахъ*.

— Знаете ли, Миронычъ, вчера вѣдь Дутика-то переплавпи; въ Кронсберѣ всю пкру изъ горемычнаго выпустили; такъ-таки всю до единого зернышка. Красный теперь, словно лосось какой, съ досады ходитъ.

— Эва ты! Дутика?... Вотъ говорить, будто у меня мать-то морковь была: какъ будто Дутика и переплавить можно! Да у кого же жару-то столько доискалось?...

— Пропекли, Миронычъ, пробрала. Ужъ Самойло и шаръ-то ему по дружеству отъ борта отталкивалъ и у противнаго-то кланшлось на боку ставилъ *, такъ что тотъ было его, знаешь, за это и того хотѣлъ... никакія, Миронычъ, небесныя силы не помогли!... Да и не то, чтобы вамъ можно было доложить, на *домовика* амь *крутопѣра* попалъ... напротивъ: чиповникъ этотъ, или лакей какой — никакъ его не разберешь — съ начала до конца все *цапочкинмъ* ударомъ откланивался, все, знаешь ли вы, *подчичкивалъ*... Глупъ, дай Богъ не у мѣста сказать, самъ Дутикъ-то былъ. Богъ его вѣсть отъ чего вдругъ

---

* Ставить на боку кланшлось, значитъ, въ переводѣ, подтачивать на верхушкѣ кія цевтръ на боку; отъ этого, кромѣ невѣрности удара, происходитъ иногда и прорывъ сукна.

поглупѣлъ, какъ барабанная палка!... Входитъ онъ въ биллиардную и видитъ, что тотъ одинъ съ биллиардомъ вѣжливаетъ да вызываетъ Оомку на депансы сыграть. А Оомка игралъ въ домно. Посѣтителей никого нѣтъ... Оомка-то да и говоритъ: Нѣтъ ужъ вы, сударь, позвольте мнѣ здѣсь; здѣсь больше авантажу, у меня здѣсь, говоритъ, теперь всѣ семь тузовъ, а неудобно ля вамъ будетъ вотъ съ этими гостями сыграть, можетъ они на ваше счастье и играютъ... Знаешь ли вы, такъ повель, какъ будто ему Дутикова-то рожа въ первый разъ прописывалась. Вотъ и указаль онъ на Дутика. А Дутикъ, вдругъ, — не то, чтобы въ слишкомъ воздержномъ положеніи былъ, — да и говоритъ: да что ты, говоритъ, Оомка, никакъ бѣлены объѣлся; что я руки-то въ дровахъ что ли нашель? я и не при игрушкахъ-то никогда на одинъ депанецъ не играю; депанецъ, говоритъ, я и даромъ въ своемъ заведеніи получаю; депанецъ такой, какой, можетъ быть, и шаху никогда не удавалось кушать. А вотъ если бы, говоритъ, на князя Баханскаго аль на казначейство, тогда бы пожалуй поѣхрлся. Ну, знаешь, смололъ, чтобы сказать: знай же ты нашихъ! А тотъ ему въ отвѣтъ: Такъ, стало быть, ты маркѣль? — Маркѣль, говоритъ Дутикъ, имѣю эту честь, точно маркѣль, а вамъ завидно что ли?... Ну, говоритъ, что же, пожалуй оставайся себѣ маркѣломъ, а все таки давай пожалуй —сыграемъ... А сколько ты, говоритъ, мнѣ впередъ засыпешь?... Да сколько, говоритъ Оомка за Дутика, вамъ впередъ засыпать—они, знашь ты, хотѣли Дутикову-то обзарку на настоящую дорогу навести—они, говоритъ, сами еще четверды въ своихъ правилахъ, потому что сами еще недавно маркѣлствомъ занимаются... Врешь ты, говоритъ чиновникъ: ты мнѣ это изъ Талерана читаешь; всѣ вы маркѣлствомъ недавно записастесь; а ежели хочешь ты, говоритъ Дутику, со мною познакомиться, такъ отсыпь сорокъ да выкладывай свою внутренность въ общее свѣдѣніе, и вынулъ онъ, знаешь, самъ кипу кипущую. Видитъ это Дутикъ. Давайте, говоритъ, была не была, высоко не ходила, страстей не видала: трусь на козла похожъ, а козель на чорта—отъ чего же съ пріятнымъ человѣкомъ кампаніи не раздѣлить... Вотъ и начали. Сперва шло все довольно вѣжливо: партія была равна. Вдругъ какъ противный-то перекрестился въ *бартоломеи* да началъ Дутика всекъ борту да къ борту приклеивать да заставлятъ его по зеленому, а не по красному да желтому тѣшиться, дѣло-то и перемѣнилось резонное обращеніе. Проигралъ такъ Дутикъ партій пять къ ряду. Тотъ и забастоваль.—Шабашъ, говоритъ, апокалипсова ты престинца, подавай сюда свои ис-

купшенія... тертый видю шаръ былъ, коли такой разговоръ вести умѣлъ... Ну, вотъ извѣстно, Дутику не въ терпежь досадно стало. Онъ-та и говоритъ: А не угодно ли еще; вы, говорить, не берите себѣ въ воображеніе, что мы маркѣлы; мы, говорить, почище всякихъ господъ свои дѣла кончаемъ; не угодно ли вамъ будетъ ужъ и еще у меня духу повиытянуть?—Нѣтъ, говорить тотъ, видя, что Дутикъ-то съ подмазки и на короля готовъ востать, спасибо, братецъ, за деликатность; ты мнѣ можешь и пятьдесятъ девять дать, ты только, говорить, меня въ гѣну огненную хотѣлъ втянуть; а если хочешь играть, такъ давай играть на всемъ великодушій: «по которому хочу, которымъ хочу, по которому велю»... Хотѣлось Дутику отыграться; понадѣялся на себя, да что ни дѣлалъ, какихъ судорогъ не занускалъ—ничто не помогло! Вышелъ изъ заведенія такъ, что пришлось пѣшкомъ идти. Пытался я нынче узнать, не знаетъ ли его кто изъ нашихъ: не чухпа ли какая опъ перереженная изъ нѣмецкаго ресторана, или какой пріѣзжій карлуша на кругломъ биліардѣ кін ставить—никто не знаетъ. Вотъ ты, Мироничъ, какъ придетъ сюда какой корорылый, такъ ты и смотрите, не тотъ ли это, что у Павла икру выпустилъ, и постарайтесь какъ пибудь, Дутикову кровь назадъ у него отсосать.

— Ишь ты въ самомъ дѣлѣ какая на него болѣзнь напала... А Эльпидифоръ-то вчера лучше въ Сициліи распорядился. Подвязалъ себѣ руку да и говоритъ: кровь пускалъ, не могу много привилегій давать; рука такъ дрожитъ, какъ будто я куръ крадь или милостыню кому подавалъ. А тутъ и подвернулся ему подъ больную-то руку какой-то негоціантъ изъ лоскутнаго ряду. Вытеръ седьмой потъ послѣ чаю да и началъ съ Эльпидифоромъ играть. Зато и поставилъ ему Эльпидифоръ такую пѣявку къ лѣвому боку, что тотъ хотъ бы и на жену сталъ играть; кой какъ ужъ прикащики его вырвали отъ Эльпидифорова милосердія. Былъ нынче у меня и рассказывалъ объ этомъ Эльпидифоръ и въ ложу, знаешь, антерную звалъ, и угощеніе тамъ обѣщавъ. Да и битка, вѣдь точно сказать, битка этотъ Эльпидифоръ! такъ Архаровскимъ да Качега-ровскимъ и рѣжетъ въ пересыпку да перемочку съ оттяжкой; не, то что ты съ своимъ старымъ Екатеринбургскимъ, съ тѣмъ и возьмите!...

— Ну, да мы про себя и въ толкъ не беремъ, Мироничъ. Иному талантъ, иному другой: такъ самимъ Богомъ заказано. А Нужда-то, знаешь, Мартышка-то Нужда, лѣва-то Мартыш-

ка, получше Эльпидифора въ Берлигъ распорядился. Нашель тамъ какого-то капитена, что обезьянъ изъ за моря привезъ, да и говоритъ ему: а что, мусье, хотите я съ вами лингенъ хандъ буду играть. А тотъ и смѣется да и отвѣчаетъ, что гутъ. Мартышка задалъ ему до того, что тотъ съ сердцовъ по-русски вдругъ выучился да не хуже насъ съ тобою началъ ругаться. А вѣдь Мартышка-то, ты знаешь, задорный такой; кто пашинскихъ господскихъ правъ не знаетъ, такъ съ тѣмъ онъ никакой деликатности; вотъ онъ, обыгравши-то его, еще да и говоритъ: ты, говоритъ, у меня, мусье, не божись, а не то я тебѣ зубы въ десятичную дробь обращу... Вотъ эта-то штука получше Эльпидифоровой!...

Сообщаемыя, такимъ образомъ, маркёрами другъ другу свѣдѣнія, покаяныя все болѣе и болѣе, преобразуются наконецъ въ преданія и переходятъ изъ устъ въ уста, какъ славныя примѣры для подражанія, какъ великія дѣянія, достойныя быть внесенными въ лѣтописи ихъ маркёрской исторіи. И часто идутъ между ними сказанія о подвигахъ многихъ великихъ мужей, когда либо состязавшихся на полѣ биллиарднаго искусства, и болѣе всего о Тюрѣ, какъ миѳическомъ лицѣ, невозможномъ въ настоящее время.

— Что, братцы, говорятъ бесѣдуя между собою гдѣ нибудь въ пріятной компаніи маркёры: вѣдь дворянинъ-то Жиздра, что въ Очаковъ ходитъ, такъ играетъ, что хоть бы кому такъ сыграть. Даромъ что при биллиардѣ никогда не стоялъ и только всю жизнь считалъ сколько въ магазинахъ мыши муки съѣли, а вѣдь любого маркёра за поясъ заткнетъ. Чай и ты съ пимъ, Фомичъ, съ десятью очками при себѣ не оспаншь.

— Ну, оно конечно, отвѣчаетъ Фомичъ: дворянинъ Жиздра хорошо свое дѣло знаетъ; онъ, конечно, потрафляетъ очень примѣрно, да проку-то въ томъ мало. Играть-то съ нимъ никто не станеть. Прославился болѣе Жиздра, извѣстность большую о своемъ отличіи важнѣе, такъ и придется ему скоро умереть съ голоду; развѣ что въ Америку куда нибудь поѣдетъ да тамъ по неизвѣстности свой маску надѣнетъ, такъ авось еще промаетъ. Чисто, чисто играетъ, нечего Бога гнѣвить, да повадности совѣзмъ никакой пѣть,—не то, что Тюря.

И многіе еще и другіе толки идутъ между маркёрами, касающіеся какъ и ихъ званія и искусства, такъ и занимательныя для всѣхъ вообще: о новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ области точныхъ наукъ, о сравнительности голосовъ жуков-

ских пѣсельщиковъ съ голосами итальянскихъ пѣвцовъ, и прочихъ занимательныхъ для всякаго образованнаго человека вещахъ, почерпавшихъ ими изъ журналовъ: Иллюстраціи, къ которой картинки идутъ на внутреннюю обложку ихъ сундуковъ, и Пчелки, очень цѣнимою и уважаемою ими за занимательность и полноту сообщаемыхъ ею свѣдѣній; другимъ журналамъ они предпочитаютъ Арабскія Сказки и Английскаго Милорда Георга.

Но несмотря, между тѣмъ, на все приволье и способы, доставляемые маркѣрамъ ихъ служебнымъ положеніемъ, несмотря на каждодневныя падающія имъ изъ лузъ средства къ посѣщенію и загородныхъ гуляній, и публичныхъ представленій, рѣдкій изъ маркѣровъ проживетъ долго въ столицѣ или въ какомъ нибудь городѣ, не побывавъ на родинѣ и не отвезя роднымъ своимъ разныхъ некупленныхъ подарковъ: женскихъ серегъ, колець, разныхъ платковъ и другихъ металлическихъ и неметаллическихъ вещей, попавшихся маркѣрамъ съ разныхъ шей и изъ разныхъ кармановъ. И между тѣмъ, какъ прочіе простолюдины, достающіе хлѣбъ свой въ потѣ лица, подъ зноемъ, ливнемъ и трескучимъ морозомъ и неимѣющіе никакихъ понятій о столичныхъ удовольствіяхъ, остаются усидчиво въ городѣ, проклиная постоянно судьбу свою, преслѣдующую ихъ злѣе козла, и ограничиваются лишь письмами на родину, испрашивая въ нихъ себѣ у родственниковъ на вѣки ненарушимаго благословенія да посылая поклонныя всему календарю,—маркѣры рѣдко проживутъ два года не побывавъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходила ихъ молодость и росли ихъ родительскія колотушки для настоящаго ихъ званія.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы маркѣровъ влекло на родину одно прямое безотчетное чувство любви къ ней, чувство, обратившееся у Швейцарцевъ въ болѣзнь и такъ трогательно выражаемое ихъ коровьими мотивами; напротивъ, должно сознаться, краснѣя не много за маркѣровъ, что ихъ влечетъ туда другое чувство, одинакое въ тѣмъ, которое заставляетъ иногда какого нибудь продралнаго въ люди господина убыточиться, утруждать начальство отпускомъ и ѣхать потомъ въ тотъ городъ, гдѣ на него прежде смотрѣло солнце, какъ еще на безчиновнаго и неважную песчинку въ политическихъ пескахъ, ѣхать не затѣмъ, чтобы ощутить какую нибудь радость при видѣ мѣсть его чистаго дѣтства, но затѣмъ, чтобы произвести своимъ появленіемъ эффектъ и заставить передъ собою гнутья и подличать своихъ прежнихъ товарищей, оставшихся такими же, какъ и были они—безчиновными. Маркѣры ѣздятъ на родину болѣе изъ честолюбія и желанія показать себя.

Являясь на берега какой нибудь населенной лягушками рѣки, подь законтълюю отцовскую кровлю, маркёры приносятъ съ собою общесовладѣваемое всѣми уваженіе къ особѣ своей, поселяютъ въ деревнѣ разные толки и вообще принимаются въ родныхъ мѣстахъ такъ, какъ принимается какое нибудь знаменитое или ученое лице простодушными и наслышанными о его достоинствахъ провинціалами, привыкшими удивляться всему, начиная съ столычныхъ модныхъ львовъ до ученой москыи. При первомъ, разнесенномъ по всѣмъ избамъ босопогимъ курьерами извѣстїи о прибытіи къ какому нибудь Ивану Архипову изъ Москвы или Питера сына маркела, во всей деревнѣ происходитъ общее волненіе и растетъ любопытство узнать отъ него поскорѣ разныхъ столичныхъ новостей и поведенцій: каково зрѣютъ въ ней хлѣба, каковъ тамъ быть и такъ ли важно и недоступно тамъ генеральство, какъ ихъ мѣстное исправничество и пр. и пр. При этомъ происходятъ и другіе разные другъ другу вопросы: о вліяніи, которое произведетъ на это исправничество присутствіе маркелскаго лица въ ихъ вѣдомствѣ, и побоятся ли, при случаѣ, поглядить маркела по загривку становой или не побоятся, и тому подобныя другіе вопросы, касающіеся важности маркелскаго общественнаго значенія. Съ утра до вечера бываетъ полна посѣтителями изба Ивана Архипова и тискается въ нестарь и молодь, стараясь удерживаться отъ слишкомъ глупыхъ рѣчей и оставаясь въ нерѣшимости, можно ли пригласить маркела распить съ собою штофъ, или (ожидая за то насмѣшки, въ томъ чашии, что ему ни по чемъ и мадеры, распиваемыя ни вѣсть съ какими особами), только кланяться ему да звать его лишь на хлѣбъ да на соль....

Но не только одинъ мужескій деревенскій полъ бываетъ такого выгоднаго и высокаго мнѣнія о прибывшемъ къ нему представителѣ биллиарднаго званія, даже самый деревенскій прекрасный полъ чувствуетъ въ присутствіи маркёра какое то, вопреки своей женской натурѣ, замѣшательство, заставляющее его покидать обычную свою самонадѣянность и сомнѣваться даже въ самомъ могуществѣ приворотныхъ чаръ, данныхъ ему природою.

— Поди-ка, Матренка, говоритъ какая нибудь Праскушка, поди-ка затрощь-ка ты Марку, Иванова сына; поговорь-ка ты съ нимъ. Такъ ли ты его обойдешь, какъ Парфенку косаго?...

— Не хочешь ли ты вотъ-чево, отвѣчаетъ какая нибудь Матренка, дѣвка, впрочемъ, до того со всѣми любезная и бойкая, что ни у кого какъ у нея не перебивало столькожъ ленточекъ и орѣховъ: сунься-ка ты сама, Праскушка; расходишь-ка ты съ нимъ сама; вѣдь онъ не то, что прочіе, вѣдь онъ маркѣльское званіе справлялъ, такъ чай съ нимъ и сама становиха-то наша нескоро на разговоры потрафитъ!..

И пируетъ, и чувствуется такъ маркѣрь, пользуясь вниманіемъ и выгоднымъ о себѣ мнѣніемъ мужчинъ и благосклонностію и выгоднымъ о себѣ мнѣніемъ прекраснаго пола, покуда не придетъ ему необходимость снова вѣхать спать на своемъ билліардѣ и развѣзжать для добычи по разнымъ вѣсямъ и городамъ земнаго шара, сомкнутымъ въ кучу въ одномъ какомъ нибудь городѣ.

Не знаю, можетъ быть въ маркѣрскомъ быту есть еще и другіе какіе невысказанные здѣсь случаи, явленія, добродѣтели и пороки, — это можетъ замѣтить и пополнить уже самъ отъ себя тотъ, кто ихъ знаетъ поближе, покороче и имѣлъ съ ними какія нибудь дѣла. Пусть такіе люди уже окончательно подрисуютъ маркѣрскій портретъ и покажутъ его во всемъ свѣтѣ тѣмъ, которые несмотря на все свое уваженіе къ билліардной игрѣ, по чисто національной добродѣтели «лежебокства», никогда не чувствовали въ себѣ ни столько дѣятельности, ни столько вертлявости, чтобы пристраститься къ ней и быть самими дѣятелями. Удивительно какъ не всѣмъ еще нравится билліардная игра, а напротивъ, при всемъ сознаніи въ ней тайнаго присутствія неоспоримыхъ средствъ къ улучшенію гигиены и обстоятельствъ, она еще возбуждаетъ во многихъ какую-то невольную улыбку при видѣ, какъ иногда люди, очень степенные и по комплекціи своей даже не очень способные къ поворотливости, постоянно бѣгаютъ и кружатся одинъ за другимъ около билліарда, какъ какія нибудь малютки, старающіяся поймать другъ друга, и все это для того лишь, чтобы столкнуть палкою въ сѣтку шаръ. Нѣтъ для многихъ смѣшнѣе и занимательнѣе зрѣлища, когда какой нибудь маленькой да снабженный еще при томъ довольно выдавшимся брюшкомъ человѣчекъ, превышающій билліардный уровень едва ли и полъаршиномъ, вытягивается во весь ростъ свой, принимаетъ самое мученическое положеніе, становится, весь покрытый потомъ, на цыпочки и все-таки затрудняется коснуться шара, несмотря на то, что снабжается человѣколюбивыми маркѣрами палкою, чуть ли не

вдвое длиннѣйшею, всего его органическаго протяженія. — Даже и самая выказываемая иными граціозность положенія и ловкія эволюціи, производимыя кіёмъ, какъ какою нибудь шпагою на торжественномъ парадѣ, вмѣсто того, чтобы плѣнить и заставить другихъ испытать также и свою граціозность, наводятъ имъ только на умъ воспоминаніе о тѣхъ граціозныхъ позахъ Пьеро и Коломбины, видя которые русскіе бородатые посѣтители балагановъ обыкновенно говорятъ другъ другу съ восторженнымъ удивленіемъ:

— Глядь-ка, глядь-ка, какой Тальони! такъ пяточка съ полу спиною и подымается!...

Кромѣ того, не сознавая въ себѣ южной граціи и ловкости пріемовъ, досадно какъ-то иногда бываетъ слышать про себя человѣку, положимъ хотя можетъ быть и чуть досягаемо до слуха, другое, также рѣзко схваченное русскими людьми замѣчаніе въ медвѣжьихъ спектакляхъ:

— Смотри-ка Топтыгинъ-то выкальваетъ, какъ старая баба съ боку на бокъ переваливается!...

Вотъ отъ какихъ бездѣлцъ иные люди не любятъ биллиардной игры; какъ имъ не стыдно за это! Вотъ отъ чего, впрочемъ, я самъ не люблю ее и если и случилось когда сталкиваться съ маркеромъ и набрасывать изъ-подъ полы явленія тѣхъ мѣстъ, гдѣ царствуютъ и кишатъ любители биллиарда, то это случилось нечаянно, по тому овладѣвающему иногда всякимъ человѣкомъ чувству, по которому онъ, не будучи ни чѣмъ минутно доволенъ, спѣшитъ, какъ сурокъ, укрыться въ какую нибудь нору, только бы ему хотя на время не сталкиваться съ одними и тѣми же надобѣвшими взору лицами, не слушать однѣхъ и тѣхъ же наскучившихъ рѣчей, и перенесясь въ иную сферу, въ другой незнаемый кругъ, спрятаться въ немъ отъ дружескихъ и прочихъ тисковъ, покуда не пройдетъ это минутное охлажденіе и не возвратитъ его опять необходимость въ прежній знакомый омутъ вращающейся вокругъ него жизни. Въ эти то, чуждыя всякаго посторонняго вліянія на душу, минуты, не требующія ни притворныхъ улыбокъ, ни неохотнаго къ чему нибудь прошлому вниманія, удаляясь куда нибудь на Пески или Козье-Болото, мѣста хотя и нелишенные живописности, но многимъ извѣстныя только по имени, человѣку бываетъ какъ-то веселѣе и отградитѣ среди какой нибудь отуманенной табачнымъ дымомъ комнаты, при свѣтѣ нагорѣлыхъ лампъ, безознательно и съ равнымъ вниманіемъ прислушиваться и къ стуку шаровъ, и къ звучнымъ каплямъ дождя, сыплющимся мелкою дробью на окон-

ныя стекла. Все какъ-то туманно и неопредѣлительно вокругъ него, и одни только, въ этомъ отрѣшенномъ отъ дѣйствительности положеніи, воспоминанія не замираютъ еще внутри его и уносятся вслѣдъ за снѣжными тучами въ нѣвыя предѣлы, въ нѣвыя края. И видятся ему, въ эти мгновенія, среди живыхъ, осязательныхъ лицъ, другія, неясныя, болѣе милыя лица, и слышатся ему среди этихъ неясно долетающихъ до него рѣчей, другія, болѣе понятныя и сердцу и разуму рѣчи!... и сидитъ онъ такъ долго, долго, въ какомъ-то пріятномъ оцѣпенѣніи въ какой-то сладкой полубезчувственности, похожей на разсѣиваніе съ тѣломъ души, не замѣчая ни услугъ мальчика, сующаго подъ носъ трубку, ни вѣжливаго предложенія подлить въ чайникъ кипятку—покуда не заставятъ встрепенуться и опять оцутиться, лицомъ къ лицу, съ дѣйствительностію какіе нибудь дикіе возгласы:

— Куда летишь, волчье мясо?..

— Шаръ Иванычъ, шаръ Иванычъ! Ну, доплылъ, доплылъ проклятый! Экая гисторія! никакъ это по-французски называется на себя сдѣлать!..

— Ну-ка, кума Васильевна, выручи отъ бортика, матушка!..

— Ахти, угодники, никакъ еще и скарамболитъ! Поцѣлуйся же, поцѣлуйся же, вѣжливый кавалеръ.

— Бѣги, бѣги, милюга!..

— Былъ гевезенъ да выскочилъ!..

— Умертвилъ я васъ, милостивый вы мой государь! Пятдесятъ девять, а шары-то собрались домой на постели съ сугругами спать!..

— Да никакъ вы по-турецки!..

И Богъ знаетъ какія не раздаются еще восклицанія! Это потѣшаются билліардные игроки.

Игроки, рекомендуемые здѣсь читателю, также игроки чисто типическіе, отнюдь не похожіе на тѣхъ любителей билліарда, которые играютъ въ клубахъ и проигрываютъ на билліардѣ деньги единственно изъ одной благородной страсти содѣйствовать круговому вращенію капиталовъ; ни на тѣхъ, которые играютъ за тѣмъ только, чтобы во что ни пошло, да только играть имъ, будь это на пролазку или стаканъ воды: ни даже на тѣхъ игроковъ, которые, войдя въ совершенный азардъ, проигрываются до послѣдняго своего нижняго платья. Не будучи заражены слѣпою, заставляющею людей кидаться въ веравныя шансы страстію, игроки эти—игроки *de professione et*

necessitate, люди, которымъ трактиры замѣняютъ дома, а маркёры кругъ короткихъ знакомыхъ. Не побывавъ—какойнибудь день одинъ въ бильярдной, господа эти чувствуютъ такое же необъяснимое безпокойство и тоску, какую никогда не удавалось можетъ быть чувствовать и самому записному, втянувшемуся въ свои обязанности, добросовѣстному служацѣ, почемунибудь да не поспѣвшему одинъ день въ году своего департамента. Кій и выигрышь—вотъ центръ вокругъ котораго вращаются всѣ мысли ихъ; все для нихъ благо и совершенъ для нихъ всякій низпосланный свыше даръ, будь этотъ даръ хоть одна маленькая рюмка водки да тощій кусокъ бутерброда.

Съ утра, одѣвшись въ разнообразные костюмы свои, довольно акуратно сшитые сюртуки, потерявшія глянецъ венгерки и фраки съ порванными и не порванными локтями (смотря потому, въ какомъ положеніи находятся ихъ финансовыя обстоятельства), бильярдные игроки расходятся по разнымъ болѣе или менѣе богатымъ или бѣднымъ трактирамъ, осѣдомляются о маркёрскомъ здоровьѣ, испытываютъ, сдѣлавъ одинъ нѣсколько выходовъ по бильярду, силу и ловкость своего удара и потомъ, разсуждая и любезничая, нетерпѣливо ждутъ какогонибудь захожаго, съ которымъ бы имъ можно было помѣряться силами. Ничто не приводитъ ихъ въ такое восхищеніе, какъ замѣченное въ себѣ счастливое предрасположеніе къ игрѣ. Это предрасположеніе часто помогаетъ внѣшнему изліянію души и заставляетъ игроковъ провозглашать, съ восторженнымъ къ своей особѣ удивленіемъ, какомунибудь изъ артистовъ одного съ ними цѣха:

— Ахъ, Капусточка! въ какомъ я нынче, братецъ, ударѣ! Въ такомъ я нынче, братецъ, ударѣ, что если бы теперь Богъ поскорѣе игрокъ наслалъ, такъ я кажется бы въ немъ живою души не оставилъ; такъ-таки бы съ маху: бонжуръ да адье; такое бы адье провозгласилъ, что благодѣтель-то бы всю свою наивность позабылъ!...

Для удовлетворенія этого обуревающего ихъ чистосердечнаго желанія, бильярдные игроки обыкновенно, въ ожиданіи партнеровъ, прогуливаются по всѣмъ трактирнымъ комнатамъ и съ кроткою наружностію кота, обманувшаго своимъ видомъ въ басни Крылова неопытнаго, невидѣвшаго свѣтъ мышевка, отыскиваютъ взглядомъ роскошнаго потребителя, спрашивающаго себя что-либо понзящите, подороже, чѣмъ обыкновенный, прокислый трактирный борщъ или составленный изъ разныхъ объѣдковъ винегретъ, спрашиваемый себя тѣмъ, кто имѣлъ

пріятность видѣть его фабрикацію, не иначе какъ подъ именемъ «пивомедіи», имени, поставившаго бы въ тупикъ самаго разнообразнаго производителя кухонныхъ иждій, умѣющаго приготовить все, начиная съ жапонъ а ла-Магомедъ до трюфельнаго соуса а-ла-Сентъ-Маделень.

Системы, принимаемыя билліардными игроками, для пріобрѣтенія себѣ партенеровъ, различны и заключаются: или въ системѣ нѣжной привязчивости и желанія познакомиться; или въ системѣ оупьяненія и принятія на себя личности такого гуляки, которому все ни по чемъ, все трынь-трава и все по силамъ и достатку, или въ системѣ чисто Англійской, состоящей въ держаніи пари и закладовъ за какую нибудь играющую сторону или, наконецъ, въ системѣ дружеской услужливости, по которой игроки навсывають и гроковъ одинъ на другаго съ тѣмъ, чтобы доставить пріятелю вѣрный барышъ. Ортогностическое путешествіе по всѣмъ комнатамъ совершаютъ игроки первой системы, системы, основанной на вѣжливости и врожденному каждому образованному человѣку стремленію къ обобщительности. Желая вступить въ пріятное для себя знакомство, игроки этой первой системы, не имѣя другихъ причинъ къ сближенію, обыкновенно стараются всѣми силами сдѣлать какую нибудь неловкость или маленькую невѣжливость, съ тѣмъ чтобы, пользуясь испрашеніемъ, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, за то извиненія, имѣть случай, перейдя въ общія реторическія мѣста, незаметно коснуться билліардной игры и, испытавъ къ ней охоту или неохоту новаго своего знакомаго, вести, такъ или иначе, свою осадную тактику. Обыкновенно игроки на вѣжливости или ступають вамъ на ногу и потомъ извиняясь начинаютъ уже о всемъ прочемъ, или просто подсосѣживаются къ столу и производятъ на немъ какую нибудь перемѣну, чтобы какъ нибудь да сдѣлать первый трудный шагъ.

— Виновать-съ: я, кажется, не много вашу скатеречку передвинулъ, говорятъ обыкновенно игрокъ первой системы, подсаживаясь къ столу достаточнаго трактирнаго потребителя. Извините, такъ усталъ, право; ходилъ нынче, ходилъ, верстъ я думаю тысячу перемѣрялъ ходулями да вотъ и зашелъ сюда мимоходомъ.... Очень нынче хорошая стоитъ погода, дождикъ только немного, проклятый, льетъ да вѣтеръ съ моря, а то во всемъ прочемъ превосходная погода!... А вы тоже изволили сюда мимоходомъ завернуть, или вы здѣсь *абитюэ-съ*? Впрочемъ, я, кажется, имѣлъ честь видывать васъ на Сѣнной, знаете тамъ на Сѣнной, на углуку, гдѣ отанщные ки-

слые щи готовить. Какіе тамъ, право, все пріятные люди собираются на этой Стѣнной.

— Нѣтъ, я не бывалъ никогда на Стѣнной, отвѣчаетъ достаточный потребитель.

— Ну, такъ виновать, извините меня великодушно, такъ вотъ гдѣ: на Вшивой-Биржѣ имѣлъ я удовольствіе замѣтить вашу физиономію.

— Право, я и на Вшивой-Биржѣ никогда не бываю, возражаетъ кушающей котлетки.

— Ну, такъ виновать, стало быть, это уже въ Отель-Норъ, какъ хотите въ Отель-Норъ.

— Можетъ быть кого другаго; я тамъ тоже не помню, чтобы бывалъ когда.

— Ну, такъ извините, я, стало быть, имѣлъ удовольствіе васъ нигдѣ не видать; а право, все какъ будто я васъ гдѣ-то видывалъ. Точно, точно, какъ будто какой пріятной сошъ вспоминаю... будто даже я на биллиардѣ имѣлъ честь съ вами играть. Вѣдь вы изволите вѣроятно играть на биллиардѣ? какой образованный и милый человекъ не играетъ на биллиардѣ!

— Да, кое-когда отъ нечего дѣлать, отвѣчаетъ новое знакомство.

— Именно такъ; именно отъ нечего дѣлать! Вотъ скажите, пожалуйста, какъ мы съ вами въ мысляхъ сошлись! Не повѣрите, какъ это пріятно, когда съ кѣмъ нибудь сойдешься въ мысляхъ. Позвольте же поэтому случаю имѣть честь узнать ваше имя и отечество и рекомендовать себя вашему пріятному расположенію...

Достаточный потребитель, разумѣется, позволяетъ рекомендоваться своему пріятному расположенію, и тѣмъ прибавить умственно спрашивающему, будущее названіе телянка и къ своему имени, и къ имени своего почтеннаго батюшки.

— Иванъ Ивановичъ, положимъ, отвѣтитъ онъ.

— А фамилія? позвольте уже узнать и фамилію для попорты пріятныхъ воспоминаній.

Потребитель позволяетъ прибавить тоже названіе телянка и къ своей фамиліи.

— Итакъ, Иванъ Ивановичъ, я очень радъ, что мы можемъ теперь же осуществить сходство нашихъ мыслей и сыграть съ вами на биллиардѣ, прибавляетъ игрокъ системы вѣжливости и общенія.

Озадаченный таким неожиданным вызовомъ, отобѣдавшій Иванъ Ивановичъ отвѣчаетъ, что онъ усталъ, что ему некогда, что онъ не любитъ бильярдной игры; но что ни отвѣчаетъ онъ, бильярдный пасосъ не отстаётъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ является какое-то особенное, чудное свойство, каковымъ, разсказываютъ, обладали мнелогическія сирены и наши степныя русалки, и льются самыя неоспоримыя силлогизмы, сдѣлавшіе бы честь любому глубокому логисту.

— И, помилуйте, Иванъ Ивановичъ, развѣ мы съ вами на интересъ? Вѣдь мы съ вами сыграемъ такъ, чтобы отдохнуть; для моціона; мы, знаете, сыграемъ съ вами на пару пустяковъ, на порцію прѣсной воды. Вотъ мы на что съ вами сыграемъ... Ужъ какъ хотите, а позвольте имѣть удовольствіе проиграть вамъ для перваго пріятнаго знакомства...

Получивъ, быть можетъ, рѣшительный отказъ отъ десяти такихъ Ивановъ Ивановичей, бильярдные игроки нападутъ на десятаго и таки успѣютъ его втащить всеми неправдами въ бильярдную.

— Эй, любезный, послушай, какъ тебя зовутъ... говорятъ игрокъ маркѣру, котораго онъ за минуту передъ симъ именовалъ такъ же точно вѣжливо, какъ и Ивана Ивановича, и кромѣ того еще справлялся съ большимъ участіемъ, сошли ли у него съ правой ладони мозоли, не позволявшія ему держать твердо кій. Дай вамъ шары, милый человекъ; вотъ мы двое не умѣющихъ сошлись, такъ хотимъ тебѣ побольше языкъ помять, чтобы ты впередъ яснѣе очки выговаривалъ... Поставь-ка намъ поскорѣе шары, знаешь, какіе нибудь... А на что же мы станемъ съ вами играть, Иванъ Ивановичъ?..

— Да ни на что; такъ партію одну, другую сыграемъ.

— Да позвольте же мнѣ послѣ этого васъ пощупать, Иванъ Ивановичъ, настоящій ли вы человекъ!... Гдѣ же это видано, у Нѣмцевъ что ли, чтобы люди, играющіе между собою въ первый разъ, не оставили другъ другу сувенира о первомъ своемъ знакомствѣ. Ну, хоть на депанецъ сыграемъ. Идетъ или нѣтъ депанецъ?... Пусть маркѣръ разгадаетъ, кому кого горькою померанцовой угощать... вы, вѣроятно, кушаете горькую померанцевою?... Нынче я вамъ доложу даже младенцы употребляютъ для желудка горькую.

— Я уже пилъ горькую померанцевую, отвѣчаетъ игроку системѣ любезности и обобщеніи, Иванъ Ивановичъ.

— А! въ такомъ случаѣ идетъ на сладкую; пожалуй себѣ пусть будетъ сладкая, хотя я, признаться вамъ сказать, не люблю сладкой. Она какъ-то, знаете, будто чепчикомъ отзывается, все какъ-то, знаете, будто галантерейнымъ магазиномъ пахнетъ.

— Я не желаю никакой водки, отвѣчаетъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ на порцію чегонибудь винаго прочаго. На селянку московскую или на чтонибудь легонькое, — сосиски съ капустой или поросенка подъ янтаремъ съ хрѣномъ и уксусомъ. Здѣсь, я вамъ доложу, очень деликатныхъ поросятъ подаютъ; не то, что въ другихъ мѣстахъ, такъ что не узнаешь что тѣло подъ галантиромъ щепку ли или животное тѣло. Вотъ рыба такъ даетъ себя здѣсь маленько знать, такъ я васъ рыбой потому и потчивать не смѣю, а ужъ за достоинство поросятъ могу вамъ поручиться. Итакъ, стало быть, у насъ идетъ на легонькое, на удобосваримое для желудка! Такъ ли, Иванъ Ивановичъ! такъ ли, многоуважаемый мною человекъ?

— Да я, вы сами видѣли, сейчасъ только пообѣдать успѣлъ, добавляетъ Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ такъ вижу, вижу... насквозь теперь вижу, чего вамъ хочется... полтинничекъ; вамъ хочется на полтинничекъ, чтобы себѣ для кошелька счастливую монету приобрести; оно и лучше, Иванъ Ивановичъ; вѣдь двойню-то * надо еще бабамъ заказывать да въ лѣсъ за нею идти. Маркёръ, милый человекъ, мы играемъ на полтинничекъ; хорошо ли ты это разслышалъ, маркёръ? чай, самъ такой рыси отъ меня удивился. За это смотри же, любезный незнакомецъ, если кто изъ насъ судно прорветъ, такъ этого въ счетъ, голубчикъ, не ставить. Вѣдь мы люди не ученые и играемъ только для удовольствія. Впрочемъ, для огражденія себя отъ всякаго происшествія я лучше мазику возму. Вѣдь вы, вѣроятно, не обидитесь, Иванъ Ивановичъ, что я противъ всякаго приличія съ вами мазику буду врать. Итакъ, вотъ вы меня и на полтинничекъ разорите!...

— Да я никогда не играю на деньги, проговариваетъ Иванъ Ивановичъ.

---

* Сросшійся орѣлъ, вкладываемый многими въ кошелекъ, съ твердою вѣрою, что отъ этого не переведутся въ немъ деньги.

— Тѣмъ болѣе мнѣ желательно, чтобы вы съ моею легкой руки какое нибудь для себя пріятное начало сдѣлали. Ужъ, пожалуйста, не огорчайте меня вашимъ отказомъ, Иванъ Ивановичъ; позвольте ужъ мнѣ пожертвовать вамъ собою... А вотъ и мой кровный полтинничекъ... Маркеръ, милый человѣкъ, вотъ возьми къ себѣ на разсмотрѣніе мой полтинничекъ... Мы, братецъ, люди на чистоту. Давайте и вы ему свой полтинничекъ, Иванъ Ивановичъ; надо показать этому хорошему человѣку, что мы люди на чистоту... А то, знаете ли, вѣдь такіе мерзавцы попадаютъ, что если не выставятъ ничего да проиграютъ, то и пиши потомъ себѣ за ними ставку-то на ухахъ... Вамъ выставятъ, Иванъ Ивановичъ; а сколько мнѣ впередъ изволите пожаловать?

— Какой тутъ передъ, я и играть-то почти совершенно не умѣю.

— Да я то, боги вы мои, въ пансіонѣ что ли воспитывался. Вы видите, что я самъ только, только что кос-какъ, самоучкою, мазкомъ ковыряю. Впрочемъ... жертвую для васъ своимъ благополучіемъ. Позвольте въ четъ и нечетъ сперва позабавиться... въ какой рукѣ первый шаръ; кому выставятъ? Вамъ, Иванъ Ивановичъ; самъ шаръ игрока знаетъ. Играйте, Иванъ Ивановичъ... Ого, го! да какіе у васъ геройскіе приемы... Вы меня этими приемами совсемъ проскетете... А нука я самъ теперь бѣлымъ, ударомъ смѣлымъ... Что? никакъ промахъ.. вотъ тебѣ и далъ себя знать! Считаю одинъ и одинъ, милый человѣкъ... Вамъ играть, Иванъ Ивановичъ... Вотъ тебѣ и бабушка! шесть да еще карамболь, итого десять... Ай, ай! да какъ же у меня дѣти-то будутъ теперь плакать!... А нука я.. тоже сдѣлалъ нхтсъ нарицаемое!.. Еще шесть, еще три и еще мнѣ притомъ изъ дома по пустынной тверди небесной прогуливаться... ахъ вы, историческія событія! Ну, милый человѣкъ, отдай поскорѣе деньги Ивану Ивановичу, такъ-таки и отдай не мѣшка да поблагодари еще, что научилъ меня дурака не въ свое дѣло соваться... А ну, развѣ ужъ на отчаянную, на чеченскую... а нука на отчаянную... Что это! гусарь? точно гусарь, да еще какой! чиновный, двадцать одинъ пменуемый. Ну, спасибо тебѣ, гусарь, выручилъ меня изъ пѣна неповиннаго, спасибо тебѣ; какъ только выиграю себѣ у Ивана Ивановича на экипировку, тотчасъ къ тебѣ вступлю... Ну, опять гусарь! полюбили же право меня эти гусары... пятьдесятъ три... пятьдесятъ семь.. шестьдесятъ два... Вотъ уже я и положенный предѣлъ, невѣжа, перешель.. Ну, извольте вамъ реваншъ, Иванъ

Иванычъ, получать, а ты, маркёръ, дай-ка сироту-то моего назадъ да посмотри-ка, пѣтъ ли поту на немъ. Чай, все время какъ листъ дрожалъ голубчикъ; пускай же теперь у родительскаго сердца успокоится...

Реванши, даваемые Иванамъ Иванычамъ, кончаются обыкновенно порядочнымъ для нихъ проигрышемъ.

Игроки системы обобщенія, любезные и остроумные, поручающіе себя вашему расположенію и играющіе только для отдохновенія и моціона, игроки самые опасные для кармановъ Иванъ Иванычей. Коротая остротами, пріятными для честолюбія замѣчаніями, время игры и скрывая свои артистическія способности подъ перазгадываемымъ покрываломъ Изяды, что, впрочемъ, есть основное правило биллиардной игры, они, какъ покрытая зеленью тряпца, втягиваютъ Ивановъ Иванычей по самую иногда маковку. Спасаемые сами отъ вѣрнаго проигрыша только покровительствующими имъ гусарами, игроки пьютъ и ѣдятъ на счетъ партнеровъ и достаютъ отъ нихъ средства поддерживать свое художественное поприще, покуда не паткнутся на такихъ же, какъ они сами, незнающихъ, что, впрочемъ, случается очень рѣдко, потому что биллиардные игроки очень хорошо знаютъ всѣхъ другихъ игроковъ, кромѣ того случая, когда нападетъ на нихъ игрокъ другаго круга, куда не проникали еще ноги ихъ, или не сведетъ ихъ съ нимъ система товарищества.

Игроки, дѣйствующіе по системѣ ложнаго опьяненія, мѣнѣе опасны, во-первыхъ потому, что такое положеніе долго поддерживать слишкомъ утомительно и неудобно, а во-вторыхъ потому, что не внушаетъ къ себѣ большаго довѣрія въ чистотѣ расплаты, по естественному каждому пьяному человѣку какому нибудь странному капризу. Поэтому игра по этой системѣ сводится рѣдко, а если и сводится, то кончается очень скоро, и иногда даже и очень обидно для личности опьянѣвшаго для своего интереса человѣка. Въ подобномъ случаѣ игроки системы ложнаго опьяненія обыкновенно тотчасъ отрезвляется и, какъ мирный гражданинъ, гнушаясь самоуправствомъ, прибѣгаютъ къ законному покровительству ближайшихъ городскихъ. Впрочемъ, и это послѣднее обстоятельство, заставляющее половыхъ забывать на время свою обязанность, а прочихъ посетителей спорить за мѣста, остается почти всегда безъ дальнихъ послѣдствій, и обида обыкновенно забывается по христіанскому незлобію за порціею чего нибудь прохладительнаго.

Система Англійская или держанія за какую нибудь сторону

пари—система самая выгодная; она не заключаетъ въ себѣ никакого риска, а напротивъ, приноситъ самые вѣрные барыши, не хуже любого виннаго откупа. Игроки, придерживающіеся этой системы, обыкновенно совершаютъ свои путешествія компаніею не менѣе трехъ человекъ, изъ которыхъ двое вступаютъ между собою въ состязаніе, а третій, сдѣлавшись имъ уже съ той минуты совершенно чуждымъ и не играя самъ, а только любя рискъ и смотря на игру, обыкновенно ищетъ желающихъ одушевить игроковъ и заставить развернуться ставкою заклада за ихъ некуство. Въ этомъ случаѣ предложенія дѣлаются по большей части уже иттивно подгулявшими, по предполагаемой во всякомъ воодушевленномъ человекѣ естественной склонности ко всему рисковому, великодушному и отважному.

— А вѣдь вы, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, кажется, должны проиграть, говоритъ обыкновенно незнакомый играющимъ человекъ одному изъ нихъ: пятьдесятъ и семь большая разница! Вотъ ужъ я бы теперь навѣрное противъ васъ пари подержалъ. Господа, не угодно ли кому со мною пари подержать? я утверждаю что милостивый государь проиграютъ... За сплъ обыкновенно слѣдуетъ подзадоривающій смѣхъ.

— Возымѣйте на минуту терпѣніе, Петръ Николанчъ! позвольте вамъ кіемъ маленькую заставу сдѣлать... Вы говорите, что я проиграю, милостивый государь... не угодно ли на что ибудь?...

— Да не держите вы, Михайло Кондратьичъ; что вамъ за охота на себя руку подымать; дѣлать изъ дружеской игры Богъ знаетъ что дѣ и меня противъ васъ въ крптическое положеніе вводить... Развѣ вы десяти досчитать не умѣете? развѣ вы арифметику забыли и не знаете сколько отъ семи до шестидесяти единичныхъ цифръ стоитъ?...

— Да ужъ предоставьте вы меня, Петръ Николанчъ... если я на себя надѣюсь .. извольте, съ вами идеть... Не угодно ли еще кому противъ меня подержать? Даю полную свободу всѣхъ гражданскихъ правъ... Нѣтъ?... никого нѣтъ?... такъ съ вами одними .. Парфенка, заклады краишкомъ... Извольте теперь играть, Петръ Николанчъ... Три еще сдѣлали; ну, это не бѣда; мудрецы говорятъ, что и пятьдесятъ девять не партія, а мудрецы вѣдь не глупый народъ, не то, что Парфенка, который только что въ трактирѣ грамотъ научился... Продолжайте, продолжайте... Сдѣлали бы навѣрное если бы седьмая луза была. . Ну-ка разверну я теперь свои крылья.. Вотъ вамъ двѣнад-

цать... Вотъ вамъ опять двѣнадцать... пойду въ перекасть... Ну этого-то шара я и дѣлать не хочу, оставлю его Французскому королю, а вотъ я желтаго триплетомъ въ эту лузу, извольте смотрѣть, буду дѣлать... Нарочно показываю, чтобы ни кто не могъ моего русака за кавалера Фукса принять... Вотъ вамъ и положилъ его покопться вѣчнымъ сномъ... А вотъ теперь отворотятся... сдѣлалъ... кажется, поравнялся я съ вами въ чинахъ, Петръ Николаичъ... Плакалъ вашъ закладъ, милостивый государь. Вотъ ему теперь я и фивальный карачунъ задамъ... Тьфу ты пропасть! кякъ!... Никакъ у васъ партія, Петръ Николаичъ?... Ну выиграла, милостивый государь... Не угодно ли еще... Даю вамъ двадцать побѣжки, Петръ Николаичъ, и вызываю всѣхъ желающихъ держать съ кѣмъ нибудь за меня.

— Кладу оружіе, Михайло Кондратьичъ; что это? да развѣ вы сѣрнаго эфира вдохнули?.. Помилуйте, кто за васъ будетъ рисковать своимъ состояніемъ? вы хуже примѣрно меня играете... Да я ни за что на свою душу упрека не положу. Что мнѣ васъ насильно и противъ воли убыточить!...

— Разгорячился я, Петръ Николаичъ, разгорячился; знаете ли, вѣдь Русскій человекъ тогда только и хорошъ, когда разгорячится. Тогда ему и чортъ баранъ...

Оба игрока играютъ превосходно, и чуть ли Петръ Николаичъ, которому Михайло Кондратьичъ разгорячась даетъ двадцать очковъ, играть не лучше этого послѣдняго, и потому съ человекомъ незнакомымъ играющимъ людямъ и по какому-то одному лишь предчувствію парирующимъ за разгорячившагося Михайла Кондратьича, многіе охотники зашибать навѣрное копѣйку, держать пари.

Петры Николаевичи, на которыхъ лежитъ все упованіе и довѣріе поручившейся за нихъ искусство своими деньгами публики, лезутъ изъ кожи и иногда даже, несмотря на всю видимую дружбу къ Михайламъ Кондратьичамъ, вступаютъ съ ними, по своей обязанности поддержать довѣріе, въ такой споръ, что многіе закладчики изъ благодарности тотчасъ, кромѣ чистосердечнаго *спасибо*, подчуютъ ихъ и чѣмъ нибудь другимъ, болѣе сытнымъ.

— Позвольте, Михайло Кондратьичъ; это что за ухъ такой? что это вы мнѣ подъ руку-то, ухаєте? Изъ за вашего уха я карамболя не сдѣлалъ.... Извините ужъ.... шаръ мой стоялъ тутъ, вашъ бѣлый тутъ.... Я перепиграю, я перепиграю—говорю вамъ это серьезно...

— Нѣтъ, нѣтъ! какъ хотите! вѣдь за меня тоже эти милостивый государь держать и притомъ же вы и впередъ много забѣжали. Можете мнѣ сдѣлать ухъ сами, если желаете, а шаръ-то беспокоить повремените.

— Да какъ же я это могу? понимайте, если бы я рисковалъ только собственнымъ лицомъ, а то вѣдь я нѣкоторымъ образомъ чужой интересъ конфужу....

И часто завязывается между игроками, изъ самой ничтожной для игры бездѣлницы, такой споръ, что сами держащіе закладъ разрѣшаютъ его общимъ голосомъ противъ требованій представителя своей личности; а между тѣмъ, несмотря на все свое стараніе и искусство Петры Николаичи обыкновенно, будучи уже у самой заслонки, вдругъ проигрываютъ только по тому одному, что имъ не только никогда не благодѣтельствуютъ гусары, а напротивъ какъ-то всегда не кстати «навертываются на палецъ киксы» и направиваются въ родство «некрещенные на себя»...

Незнакомый игрокамъ человекъ обыкновенно выходитъ изъ билліардной съ карманами, полными заклада, и тогда уже опять дѣлается дружнымъ и коротко знакомымъ и Петру Николаичу, и Михайлѣ Кондратьичу.

— А что? каково благородно-то дѣло подведено? каково благородно?... А? скажите-ка! А!... Ну же, скажите. А!...

— Молчокъ, молчокъ Цапочка! ужъ не говори ты лучше ничего, чистая душа! ай да молодець Цапочка! мерси, капашка, милліонное за это тебѣ мерси; позволь оскорбить твои ланиты достойною сатисфакціею.... Ну да дай же нарумянить ихъ за это; вѣдь ничѣмъ другимъ, а безеткою...

И чтобы скрѣпить узы свои и возблагодарить за оказанную услугу, англичане идутъ по обычаю прогуляться по березовой, а иногда, смотря по барышу, рискуютъ заболѣть и отъ трактирнаго донскаго.

Система, основанная на товариществѣ и на натолкновеніи друзей на другихъ игроковъ, система самая опасная и съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на землѣ предостереженіе «не уповать ни на князя, ни на сыны человѣческіе,» употребляется лишь тогда, когда нельзя осуществить ни одной изъ вышеобъясненныхъ системъ.

— А что, Лисенко, нѣтъ ли у тебя какого игрокъ на примѣтъ, знаешь такого, который бы нашему брату по силамъ и разуму былъ?...

— А что развѣ въ Берлинѣ-то нѣтъ уже у тебя ни кого изъ визави?

— Ни кого ужъ, братецъ; перестали подлецы надувать себя жаловать!

— А въ Спокойствіи?...

— И въ Спокойствіи я какъ-то неосторожно надулъ!... А денегъ, братъ, много есть.... такъ что все искушеніе бы и выложилъ на чистое мѣсто...

— Эгм! развѣ въ гостиницу Марьину-Рошу поѣхать? тамъ есть у меня кой-кто изъ знакомыхъ пріятелей; пожалуй могу противъ нихъ удружить....

И услужливый пріятель сводитъ желающихъ обобрать другъ друга.

— Вотъ, братъ, привезъ я тебѣ игрока; ты смотри съ нимъ не такъ наивенъ будь: онъ, знаешь, собаку съѣлъ, каналья, всѣхъ пообобралъ, такъ ты, знаешь, поучи его не много вѣжливости, а я съ тобою за это пополамаю....

— Вотъ тебѣ, братецъ, игрокъ; играетъ онъ такъ, не хуже твоего, можетъ быть: такъ ты ужъ, знаешь, раздѣлывайся съ нимъ, какъ можешь, а за то, что я привезъ тебя къ нему, такъ велика какого нибудь угощенья подать....

— Господа, позвольте васъ рекомендовать одинъ другому; желаю, чтобы вы полюбили одинъ другаго, какъ я васъ... а при этомъ не угодно ли и сыграть, чтобы лучше узнать взаимныя качества.

— Очень радъ вашему свиданію....

— Очень доволенъ видѣть ваше присутствіе... А во что же мы играть будемъ?...

— Вочто угодно: хоть во Французскую, хоть въ Итальянскую, хоть православную, только чтобы не предаваться праздности... Въ два шара, я думаю, знаете, чтобы долго каинтель не тянуть и неслишкомъ другъ другу въ тягость быть... А по чемъ мы будемъ съ вами знакомиться...

— О, почему вамъ угодно. Предоставляю вамъ все права назначать отъ трехъ до десяти, отъ зелененькихъ и до красненькихъ...

— Нѣтъ, лучше начнемъ съ чистаго металла... по полтора, и принесемъ удобномъ случаѣ вотъ вамъ и выставка моя на поклонъ...

— Помилуйте, я вамъ вѣрю, позвольте мнѣ вамъ вѣрить... Впрочемъ, позвольте, если ужъ вамъ угодно, такъ и я... но Впрочемъ, я увѣренъ, что и вы мнѣ, по моему лицу, также повѣрите... такъ позвольте же начинать... за вами партія... другая за вами... третья... всѣ до единой за вами... Позвольте васъ поблагодарить теперь... десять партій съиграли, усталъ томительно... позвольте получить.

— Да вы, милостивый государь, по благороднымъ правиламъ хоть отыгратесь мнѣ не много дайте; вѣдь вы сторичею лучше меня свое дѣло знаете и если бы не пріятель мой Лисенко рекомендовалъ мнѣ васъ, какъ довольно еще юнаго по способностямъ поимъ, такъ я бы съ вами и играть не сталъ....

— О, да вѣдь Лисенко, вы знаете, веселый человѣкъ... я вѣдь нынче отъ того и имѣю авантажъ, что въ ударѣ, а то я обыкновенно проигрываю. Вотъ на Сѣнной Мишеля спросите: проигралъ; вотъ спросите Харламыча на Выборгской: проигралъ; вотъ спросите Фрица Ярославца, что за круглымъ стоитъ, въ ресторанѣ: проигралъ... всегда, всегда проигрываю, и все чистое, фальши ни, ни, ни на волосъ!...

— Пѣтъ, пѣтъ, а какъ хотите, сыграемте еще; я чувствую, что не въ ударѣ. Такъ, хочется узнать, сколько времени это моральное оцѣненіе можетъ продолжиться. Да притомъ вы видите и Лисенко куда-то ушелъ, а я совсѣмъ безъ него со скуки пропаду....

— Объ Лисенко не беспокойтесь; я Лисенко тоже въ другой комнатѣ съ однимъ мнѣ близкимъ человѣкомъ свелъ, а съ вами позвольте раскланяться и, главное, получить....

— Ну, отецъ родной, вы такъ у меня несправедливо выиграли, что мнѣ хочется какъ нибудь да затянуть васъ; позвольте мнѣ ужъ вамъ только три отдать, а остальные двѣнадцать за мной....

— Эдакъ вы и испугать можете!...

— Ужъ какъ хотите, слово благороднаго человѣка, не могу болѣе....

— О, о! Такъ, пожалуй, я въ этомъ случаѣ и арестую тебя... Эдакъ я, дружище, и шинель твою въ чехаузъ спрячу....

— Такъ, стало быть, вы, милостивый государь, комнѣ никакого довѣрія не питаете; я вамъ сказалъ, пѣтъ больше со мною, а ежели ужъ вы привязываетесь, какъ бавный листъ какой, такъ негодно ли вамъ будетъ со мною на квартиру ѣхать....

— А гдѣ вы изволите жить?

— Да не такъ-таки далеко ... верстъ пять не болѣе будетъ....

— Нѣтъ! это ужъ чисто значить до цыганскаго пота пугать...
Сейчасъ, братъ, твою шинель на сцену.

— Ну, если вы такъ не деликатны, такъ вотъ вамъ еще въ придачу мой пивочикъ. Вотъ вамъ, милостивый государь, двугривенный, а ужъ болѣе этого не могу удовлетворить васъ, ниже алтыномъ... Какъ хотите, сами виноваты; вѣдь вы, я чай, на миллиардъ-то скоро пряжку получите, такъ за чѣмъ же на выставку не требовали... вѣдь вы хотѣли на царь доверъ играть, такъ и имѣйте терпѣніе... Впрочемъ, я человекъ аккуратный и потому я на дняхъ сюда маркеру занесу.... Послушай, моншеръ, я тебѣ на дняхъ сюда для передачи имъ двѣнадцать цѣлковыхъ занесу....

— А вы ихъ, Сидоръ Пантелѣичъ, знаете?...

— Въ первый разъ вижу....

— Такъ это значить вы, изъ меня баронъ, просто трагедію хотите играть!

Мусье Лисенко, *венециси же су при*.... Какого вы это мнѣ человека рекомендовали? неужели у васъ могутъ быть такіе знакомые? усовѣстите его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ благородное званіе не срамилъ.... Скажите ему, что я его за такой пассажъ по всѣмъ заведеніямъ опозорю, такъ опозорю, что съ нимъ никто кія не захочитъ помѣнить.

— Да вы меня этимъ, милостивый государь, не пугайте. Вы вѣдь знаете, что наше удовольствіе такое, что хоть съ прокаженнымъ станутъ играть, только бы деньги въ лузѣ звенѣли.... Вы заведеніями-то меня не пугайте, мнѣ вашу аттестацію въ формуляръ не виссуть.

— Полноте, Петръ Петровичъ, расплатитесь, какъ слѣдуетъ, не заставьте мою-то амбіцію за васъ краснѣть.... Пожалуйте сюда на два слова, на два очень правоучительныя для васъ слова.... Да расплатись ты съ нимъ, какъ прилично; всегда отыграться можешь; онъ, я тебѣ побожусь, человекъ денежный.... не много только въ отношеніи расплаты странень, а то во всемъ очень хорошихъ правилъ человекъ....

— Итакъ, позвольте, милостивый государь;... изъ уваженія къ Лисенко, я расплачиваюсь съ вами, онъ мнѣ вывелъ такое умозаключеніе, противъ котораго я долженъ пасовать ... По-

звольте мнѣ съ двадцати пяти рублевой сдачи съ васъ получить.

— Сдачи? право я уже въ затрудненіи.... не угодно ли вамъ уже будетъ вашу депозитку въ буфетъ размѣнить; а то у меня мелочи нѣтъ.... Сидоръ Пантелѣичъ, потрудитесь бумажку въ буфетъ размѣнить....

— А полтинникъ-то, который я за тебя сейчасъ буфетчику поручился, тоже вычестъ?...

— Какой полтинникъ, будто уже такую бездѣлицу.... а, да, да.... идите же скорѣе.

— Что-о-о? Полтинникъ буфетчику?... да то крупныхъ, да то мелочи нѣтъ.... э! да мнѣ кажется, любезный. у тебя въ карманномъ-то казначействѣ послѣревизіонное число? Ты, братъ, я вижу со мною безъ денегъ игралъ, на пушокъ, на *шерами*... то-то и такіе Демидовскія куши мнѣ въ лицо пускалъ.... Нѣтъ же, за это теперь тебѣ ничего, да и за партіи кромѣ того самъ плати...

— Послушайте, дайте урезонить себя.... Какъ хотите, а это не благородно!... Въ одноѣмъ случаѣ, когда бы я вамъ проигралъ, вы не должны бы были мнѣ платить.... это, какъ хотите, не благородно! при томъ же мы съ мусье Лисенко пополамъ играли, такъ если бы я, паче чаянія, проигралъ, онъ тотчасъ же бы съ вами расчелся, какъ слѣдуетъ воспитанному человѣку.

— Какъ! Еще вторая часть романа!... Съ Лисенко пополамъ?... да еще на сего банкротство.... Ну, теперь, братъ, я вижу, какъ дважды два четыре, что ты такой же джентельменъ, какъ и Лисенко.... Ступай себѣ поскорѣе по добру да по здорову, покуда я тебя за лимонъ не припаль.... А ты, кабанье твое личико, развѣ не знаешь, что за такіа добродѣтели въ образованныхъ государствахъ портретъ румянить?...

— Полно, полно, за что тутъ обижаться? Вѣдь онъ мнѣ такой же пріятель, какъ и ты! Въ дружбѣ, милѣйшій, не то, что въ любви: надо ко всѣмъ одинаково равнымъ быть.

— Постараюсь же я за это и самого тебя при случаѣ, плутъ, въ сілоамскую кунель окунуть...

Но это только одні маленькія непріятности, которыя отнюдь не охлаждають въ бильярдныхъ игрокахъ охоты къ ихъ занятіямъ. Кромѣ этихъ маленькихъ непріятностей: невыставленіи и дружескихъ услугъ, въ бильярдной игрѣ нѣтъ, кажется,

ни какихъ другихъ непріятностей. Впрочемъ, есть и еще одна, но эта случается только съ совершенно неопытными или ужъ черезъ-чуръ вошедшими въ пассію игроками. Эта послѣдняя непріятность есть прорывъ сукна, котораго язвы цѣнятся обыкновенно по величинѣ монеты могущей покрыть ихъ, и бываютъ цѣною отъ пятачка, двугривеннаго и такъ далѣе звонкихъ монетъ до депозитной бумажки разнаго достоинства, смотря потому, какъ глубоко и сильно удалось игроку вонзить въ пахаемое пѣя зеленое поле свое оружіе. Въ этомъ непріятномъ случаѣ, игроки, чтобы не терять иногда даромъ и пятачка, годнаго на уплату за партіи, опуская на биллиардъ носъ свой, дѣлаютъ самую строгую рекогносцировку по его пространству и, замѣтя на ней уже существовавшіе и до сего какіе нибудь изъяны, спорятъ и не хотятъ ничего платить, замѣчая очень благоразумно, что биллиардное заведеніе не какой нибудь щепетильный биргеръ-клубъ, въ которомъ взимается пошлина за игранныя карты....

Маркеры и биллиардные игроки, конечно, люди очень замѣчательные и живописные. Но неужели нѣтъ другихъ болѣе живописныхъ и замѣчательныхъ типовъ, встрѣтятся съ которыми, не скользнула бы по лицу невольная улыбка, не вкрадывалось бы въ душу опасеніе, и не приучалось бы ухо къ языку и понятіямъ неслишкомъ разумѣемымъ, а напротивъ было бы сильнѣе отъ удовольствія сердце, и застало въ грудь желаніе быть сколько нибудь да похожимъ на нихъ, чтобы когда либо видѣть и собственный отблескъ свой въ нарисованныхъ кѣмъ нибудь, радующихъ за человѣка, лицахъ ихъ?... Неужели нѣтъ такихъ типовъ, что набрасываются обыкновенно типы, нмѣющіе въ себѣ лишь что либо уродливое, какъ будто память читателя есть какая нибудь кувель-камера, въ которую слѣдуетъ вталкивать только то, за что можетъ быть краснѣть сама природа?... Конечно, есть многіе болѣе отрадные типы, и, чтобы найти ихъ, стоитъ только желающему, при сіяніи яркаго, рѣзко отдѣляющаго все малѣйшія выпуклости солнца, запасть на хорошій фонарь. Встрѣтитъ тогда желающій и добродѣтельныхъ людей, которые *придерживаясь морали, никому не дѣлали зла въ жизни, и людей благогодѣтельныхъ, сыплющихъ благодѣнія чужими руками и за то ставящихъ обладательствомъ своимъ въ положеніе вола, на котораго они вправѣ наложить какую желаютъ пошу; встрѣтитъ желающій и ученыхъ людей, и тѣхъ женщинъ, съ которыми такъ несправедливо молилъ Бога ве*

встрѣчаться ни на балахъ, ни на разъѣздахъ, покойный Пушкинъ, женщинъ, у которыхъ столько разсудка и чувства въ произведеніяхъ и такъ мало въ дѣйствительности, у которыхъ такъ цвѣтуць умъ и такъ высохло сердце, что сдѣлалось какою-то греческою губкою, все въ себя прекрасное лишь впитывающею, и ничего изъ себя не изливающей; встрѣтитъ желающихъ и типы друзей, которые не только готовы протянуть вамъ руку, но даже съ удовольствіемъ подставить при случаѣ и ногу, разумѣется, не чая вамъ сдѣлать вредъ, и многіе другіе отрадныя типы встрѣтитъ желающихъ. И когда помотришь, что эти типы еще до сихъ поръ не описаны, когда почувствуешь что самъ не имѣешь способности вѣрно очертить ихъ, становится какъ-то грустно и боязно и цѣпелѣть на полувзмахъ рука надъ ихъ неоконченными эскизами!

В. ТОЛБИНЪ.